

УДК 930.85 (470.65)

И. Т. Цориева

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАРТОВСКОГО ЭПОСА

В статье рассматривается история изучения происхождения нартвовского эпоса. В 1920-е – 1930-е гг. основная научная концепция выглядела следующим образом: сказания о нартах проникли на Кавказ вместе с аланскими предками осетин и распространились по всему региону благодаря культурному заимствованию. Во второй половине XX в. дальнейшее изучение Нартиады и стремление представителей кавказских научных центров подчеркнуть «первородность» своей национальной версии вызвали острые дискуссии о месте возникновения и создателях ядра эпоса. В этот период заметно укрепились позиции сторонников теории кавказского происхождения героических сказаний. Однако в осетинском нартоведении доминирующей осталась иранская версия, согласно

которой героические сказания были принесены на Кавказ предками осетин – скифами, сарматами и аланами и от них восприняты другими кавказскими народами. Рост кризисных явлений в постсоветском обществе, поиски национально-культурной идентичности актуализировали вопросы о генезисе и создателях эпоса. Автор подчеркивает, что в этой ситуации эпос, за прошедшие века ставший общим культурным достоянием кавказских народов, должен содействовать сплочению людей в противостоянии деструктивным вызовам глобализации и культурного обезличивания

Ключевые слова: нартвовский эпос, осетинские героические сказания, генезис, историография, Кавказ, Осетия.

I. T. Tsoarieva

SOME ASPECTS OF THE HISTORIOGRAPHY OF THE ORIGIN OF THE NART EPOS

The author considers the history of the study of the origin of the Nart epos. The basic scientific concept of the 1920s – 1930s looked like this: heroic legends penetrated the North Caucasus with the Alanian ancestors of Ossetians and spread throughout the region as a result of cultural borrowing. In the second half of the 20th century, the further study of the Nartiade and the great desire of representatives of the Caucasian scientific centers to emphasize the «primogeniture» of their national versions provoked intense arguments about the origin and the creators of the epos core. In these years, the positions of the supporters of the theory of the Caucasian origin of heroic legends became significantly stronger. However in the Ossetian nartology the Iranian version of the origin of epos, according

to which heroic legends were brought to the Caucasus by the ancestors of the Ossetians – the Scythians, Sarmatians and Alans and were perceived by other Caucasian peoples, is dominated. The growth of crisis phenomena in the post-Soviet society, the search for national and cultural identity, actualized the question on the genesis and creators of the epos. The author emphasizes that in this situation the epos as the common cultural heritage of the Caucasian peoples should promote the unity of people in confronting the destructive challenges of globalization and cultural depersonalization

Key words: Nart epos, Ossetian heroic legends, genesis, historiography, Caucasus, Ossetia.

История изучения Нартиады – памятника духовной культуры многих народов Кавказа насчитывает более полутора столетий. За это время сложилась историографическая традиция, представляющая широкий проблемно-тематический спектр нартоведческих работ [7; 16; 17]. Обзор имеющейся литературы демонстрирует разнообразие исследовательских

подходов и методов анализа, высвечивает наиболее дискуссионные вопросы нартвовской проблематики, среди которых особенно много споров до сих пор вызывает вопрос о генезисе и этнической принадлежности эпоса. Рассмотрению этого вопроса в осетинском нартоведении посвящена представленная статья.

Начало планомерного научного исследования проблем нартского эпоса, в том числе отмеченного выше вопроса, связано, прежде всего, с именами В. Ф. Миллера и Л. Г. Лопатинского. Следует подчеркнуть, что ни один из этих ученых не пришел к окончательному выводу о том, кто из народов Северного Кавказа – носителей эпоса, являлся его создателем. Оба, указывая на степи Северо-Западного Кавказа как на место обитания в средневековье ясов и касогов, т.е. предков осетин и кабардинцев, неоднократно предостерегали от преждевременности выводов о его этнической принадлежности, ввиду малочисленности фольклорного материала [7, с. 18, 23, 25].

Между тем, о серьезном внимании к этому вопросу в отечественной историографии свидетельствовал тот факт, что в 1925 г. в первом же номере «Известий» только что созданного Осетинского научно-исследовательского института краеведения две из девятнадцати статей были посвящены нартской тематике. Статьи «Кто такие нарты?» М. Туганова и «К вопросу о происхождении нартских песен» А. Кубалова были предварены редакционным примечанием: «печатаются в порядке обсуждения спорных вопросов о происхождении нартов и нартских сказаний» [11, с. 371].

Центральным для обоих авторов был вопрос о происхождении и национальной принадлежности героического эпоса. Но решался он по-разному. А. З. Кубалов считал сказания о нартах частью древних песен о борьбе Ирана с Тураном, который он отождествлял с Турцией. По его мнению, песни были принесены на Кавказ предками осетин из древнего Ирана и предками кабардинцев из Турана [15, с. 382]. М. С. Туганов признавал существование нартских сказаний почти у всех горских народов, в первую очередь у осетин и кабардинцев. Но создателями эпоса считал осетин. Свою позицию он обосновывал, в частности, тем, что никто, кроме осетин, «не знает ни начала, ни конца нартов, не говорит о том, где и как родились нарты, кто жил до них и кто после, тогда как у осетин излагается все от начала до конца». М. С. Туганову принадлежала также довольно упрощенная трактовка слова «нарт», не воспринятая научным сообществом. Он полагал, что оно произошло от словосочетания «нæ арт» и означало «наш огонь», т.е. «наш очаг и то, чем мы клянемся» [26, с. 373].

Утверждавшийся в 1920-е гг. в гуманитаристике классовый подход демонстрировала статья М. В. Рклицкого. На основе сравнительного анализа кабардинского и осетинского циклов

сказаний автор пришел к заключению, что нарты – не народ в целом, а лишь представители его аристократической верхушки, которые ведут свое происхождение от «иноземной дружины завоевателей». Они якобы пришли на Кавказ со своим эпосом и передали его покоренному народу, сходному с ним в этническом, племенном отношении. При этом он отнес первоначальную родину нартского эпоса в Малую Азию. Будучи сторонником аланского происхождения эпоса, М. Рклицкий считал доказательством «иранского» характера осетинских сказаний присутствие в них скифо-аланских мотивов. Само слово «нарт» он трактовал как множественное число древнеиранского слова «нар», означавшего «герой», «военный человек» [21, с. 16, 20, 33]. Как отмечает Ю. Гаглойти, тем самым М. Рклицкий попытался «примирить» между собой миллеровскую теорию аланского происхождения осетин, т.е. о приходе осетин на Кавказ северным путем, с концепцией Н. Я. Марра, склонявшегося к мнению о «южном» происхождении осетин, и В. Б. Пфаффа о нартах как пришлых завоевателей». Отсюда следовал вывод: «осетины пришли на Кавказ северным путем, а их покорители, в виде нартов, с юга» [7, с. 32].

Оригинальную гипотезу происхождения эпоса предложил Б. А. Алборов. Первоисточником нартских сказаний он считал этнокультурный мир государства Наири, разгромленного ассирийским царем Саргоном. Его осколки из предков отдельных современных горских народов переселились на Северный Кавказ. Среди них были предки осетин, которые по нормам своего языка от названия Нири образовали новые названия «Нарт», «Нарты» [5, с. 293]. Однако авторская концепция не получила основательного научного подтверждения. Как справедливо замечает Ю. Гаглойти, выводы Б. А. Алборова «не были подкреплены какими-либо конкретными данными, так как основывались исключительно на весьма проблематичном созвучии имени нартов и названии Наири при почти полном отсутствии самих текстов» [7, с. 33].

Недостаточное использование текстов нартских сказаний и практическое отсутствие сравнительного анализа национальных версий отмечались почти во всех работах 1920-х гг. Но в целом в вопросе о создателях эпоса ученые были единодушны, связывая его генезис с историей осетинского народа. Основная научная концепция этого времени выглядела следующим образом: героические сказания проникли на Северный Кавказ вместе с аланскими предками осетин и распространились по всему

региону благодаря широкому культурному заимствованию.

На совершенно новый уровень научного осмысления Нартиады вывела небольшая по объему, но чрезвычайно важная в теоретическом и методологическом плане монография В. И. Абаева «Нартовский эпос», изданная в 1945 г. Заложенные в ней концептуальные положения определили всё последующее развитие нартоведения. Время возникновения эпоса В. И. Абаев относил к скифской эпохе, т.е. VIII–VII вв. до н.э., а завершающий этап – к XIII–XIV вв., когда «частью под монгольским влиянием был сделан шаг к общей циклизации сказаний, все герои получили общее наименование Нартов» [1, с. 117, 119].

Одним из ключевых для автора был вопрос о национальной принадлежности эпоса. Обосновывая концепцию алано-осетинского происхождения, В. И. Абаев опирался на анализ собственных имен нартвовского эпоса. «Изучая это загадочное сооружение со всех сторон, – писал ученый, – мы открыли на первых порах только одну щель, одно окошко, через которое можно проникнуть внутрь, посмотреть, кто же его хозяева: это собственные имена нартвовских героев. ...значение их ясно уже из того, что главнейшие из них относятся к самым устойчивым и общераспространенным элементам эпоса» [1, с. 21]. В результате многолетних перекрестных научных изысканий было доказано происхождение значительной части имен героев эпоса из иранских языков. А поскольку из северокавказских языков только осетинский имеет в себе иранский элемент, то отсюда закономерно следовал вывод о признании творцами «ядра» эпоса древних предков осетин, отождествляемых с аланами: «Нартовский эпос в своей существенной части – эпос аланского народа. От алан он уже давно был усвоен другими северокавказскими народами, где воспринял в большей или меньшей степени местные национальные черты». Родиной эпоса при этом В. И. Абаев называл южнорусские и северокавказские степи [1, с. 97, 117].

Исследование В. И. Абаева привлекло внимание фольклористов, языковедов, этнографов, историков и стало поводом к дискуссии, развернувшейся вокруг двух основных вопросов: о национальной принадлежности ядра эпоса и происхождении осетин. Точка зрения противников алано-осетинской концепции была сформулирована В. К. Гардановым [8, с. 245]. Оппонируя В. И. Абаеву, он утверждал, что происхождение ядра эпоса «нельзя свести к какому-либо единственному этническому кор-

ню, соответствующему тому или иному народу Кавказа». И более правомерно, по его мнению, было говорить об общей для кавказских народов «исторической почве, стадийной основе, на которой зародилось древнейшее ядро нартвовского эпоса у разных этнических групп». В. К. Гарданов не отрицал по существу генетической связи между аланами и осетинами, но считал северокавказских алан средних веков конгломератом различных по языку и культуре племен. Обосновывая концепцию кавказского, автохтонного происхождения нартвовского эпоса (в противовес концепции «пришлого» происхождения, поддерживаемой В. И. Абаевым), он доказывал, что термин «аланы» в средние века имел собирательный смысл как «географический и политический термин», под которым скрывались многие народы Северного Кавказа. Они с одинаковым правом могли претендовать на наследование этого имени и всех тех политических, и культурных достижений, которые были связаны с ним [27, л. 15, 40].

Тем не менее, большинство ученых придерживались алано-осетинской концепции возникновения эпоса. При этом они признавали необходимость более основательной разработки вопроса об участии автохтонного кавказского населения в его развитии. Б. В. Скитский писал, что народы Северного Кавказа хорошо были знакомы «с аланскими сказаниями, складывали свои варианты, соответственно чертам своего строя и своей народности, вносили свой вклад в эту сокровищницу и в смысле отдельных наименований своих героев, и отдельных сюжетов. В этом смысле эпос, этот, алано-осетинский в своей основе, стал интернациональным эпосом северокавказских народов» [27, л. 23]. Как видим, он был солидарен с В. И. Абаевым, который отмечал, что нартвовский эпос «весьма редкий, пожалуй, единственный случай эпоса, не связанного какими-либо определенными национальными рамками и имеющего, в масштабе Северного Кавказа, ясно выраженный интернациональный характер» [1, с. 8].

Важным событием в истории нартоведения явилось организованное Институтом мировой литературы совместно с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом совещание по нартвовскому эпосу 19–20 октября 1956 г. в г. Орджоникидзе. В его работе участвовали ведущие ученые В. И. Чичеров, В. И. Абаев, Е. М. Мелетинский, Л. П. Семенов, Ш. Д. Инал-Ипа, У. Б. Далат, Б. А. Калоев, Г. З. Калоев, единодушно признавшие нартвовский эпос памятником культуры мирового значения. Был рассмотрен широкий круг вопросов

от истории записи и публикации до выяснения времени и места его возникновения, отражения в памятниках культуры с его художественной спецификой [19]. Научный форум высветил разность подходов в определении этнической принадлежности нартского эпоса, национального характера и многонационального бытования эпоса. Дискуссионными признаны обстоятельства образования эпоса единого в существенных чертах, но выступающего в разных национальных вариантах [2, с. 28].

В 1960-е – 1980-е гг. растущий интерес к проблеме и явное стремление представителей кавказских научных центров подчеркнуть «первородность» своей национальной версии обеспечили динамичное развитие нартоведения. О чем, в частности, свидетельствовало содержание сборника статей «Сказания о нартах – эпос народов Кавказа» [23], изданного по следам второй нартоведческой конференции, состоявшейся в Сухуми в 1963 г., и ряда других работ [4; 7; 12; 16].

Самой спорной оставалась проблема генезиса эпоса. Новизна постановки вопроса заключалась в том, что происхождение отдельной этнической версии связывалось с этнокультурогенезом хранителей этой версии. Эпос рассматривался теперь не только как феномен культуры определенного народа, но и как системообразующий фактор его бытия и истории [17, с. 146].

В 1960-е – 1980-е гг. в рассмотрение этой проблемы активно включились археологи. К примеру, в работах Е. И. Крупнова, В. А. Кузнецова [13; 14; 16] вопросы о месте и времени создания эпоса, его соотношении с объективным ходом истории развития кавказских народов рассматривались на основе привлечения большого объема археологических артефактов. Е. И. Крупнов соглашался с точкой зрения В. И. Абаева о времени формирования ядра нартских сказаний, относя его к эпохе поздней бронзы и особенно раннего железа. Но он не разделял взгляда ученого о привнесенном характере эпоса. Он считал героические сказания результатом самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен. Эпос, по его мнению, возник и развивался в районах Северного и Западного Кавказа, где на рубеже бронзового и железного веков бытовали морфологически близкие между собой кобанская, прикубанская и колхидская культуры. В целом проблема происхождения первоначального ядра нартского эпоса решалась Е. И. Крупновым в полном соответствии с его концепцией происхождения северокавказских

народов и, в частности, осетин. Последние, по его теории, являются потомками носителей кобанской культуры, которые были ассимилированы пришлыми скифо-сармато-аланскими племенами и восприняли их язык [13, с. 50; 14, с. 19–20].

Таким образом, Е. И. Крупнов отстаивал теорию кавказского происхождения нартского эпоса. В. И. Абаев оппонировал Е. И. Крупнову по этому поводу. На научной сессии по проблеме происхождения осетинского народа в г. Орджоникидзе в 1966 г. он вновь отмечал, что «нартский эпос – памятник многослойный, с разнородными этническими включениями», но ядро осетинских версий составляют древние аланские и скифские мифы и предания, принесенные на Кавказ аланами [3, с. 17].

Следующим шагом в изучении вопроса о генезисе Нартиады стала концепция о монгольском компоненте в эпосе. Этот вопрос впервые был поставлен В. И. Абаевым. В 1945 г. он писал: «И если бы мы пожелали суммарно, в двух словах определить нартский эпос с точки зрения его происхождения, мы сказали бы так: нартский эпос – это аланский эпос с монгольским влиянием». Возникновение общего наименования эпического племени «Нарты» – «Дети Солнца» он считал результатом длительного и интенсивного взаимодействия алан и монголов. При этом он полагал, «что и до встречи с монголами герои аланского эпоса считались «детьми солнца», и монгольское влияние способствовало лишь замене соответствующего старого наименования новым, образованным от монгольского слова «солнце», и распространению его на всех эпических героев» [1, с. 92].

Идея монгольского влияния на формирование осетинского нартского эпоса получила развернутое обоснование в исследованиях Т. А. Гуриева. Авторская концепция базировалась на обширном монгольском фольклорном материале [9]. Влияние монгольских племен на развитие эпоса ученый видел в ряде сюжетов, в именах героев сказаний. Результатом монгольского влияния Т. А. Гуриев считал создание новых циклов и межцикловых связей («Хамыц и Батраз»). В вопросе о происхождении термина «Нарты» – «Дети Солнца» он пошел дальше В. И. Абаева и обосновывал идею о том, что общее наименование героев «нарты» вошло в эпос вместе с монгольской легендой о праматери богатырей, имевшей связь с небом [9, с. 163].

Теория о монгольском влиянии вызвала оживленные обсуждения среди осетиноведов. Так, В. А. Кузнецов ставил вопрос не только

о монгольских, но и об общетюркских элементах и воздействиях на нартский эпос. По его мнению, они исторически были обусловлены «весьма длительными и глубокими контактами предков осетин с тюркоязычными степными народами: болгарами, аварами, гуннами, хазарами, печенегами, половцами, обитавшими в Предкавказье на протяжении всей эпохи раннего средневековья». Он подчеркивал: «Признавая наличие в нартском эпосе общетюркских и некоторых возможных монгольских элементов и заимствований, мы вместе с тем считаем его в основе своей самобытным творением осетинского народа и его этнических предков, развивавшимся в течение длительного времени на почве местной кавказской мифологии и в живом общении с соседними культурами...» [16, с. 25].

В целом дискуссии об этнической составляющей героических сказаний, об этимологии слова «нарт», имен героев эпоса позитивно сказывались на развитии нартоведения. Они углубляли представление о генезисе эпоса, о создателях, о времени, месте и условиях складывания первоначального ядра, ареала функционирования эпоса. И вместе с тем открывали новые возможности в использовании Нартиады в качестве исторического источника при изучении древней и средневековой истории и культуры народов Кавказа.

В 1990-е – начале XXI в. на фоне системных кризисных явлений в постсоветском обществе потребность в национально-культурной идентификации, стремление народов, в том числе «малых народов» Кавказа, сохраниться в активно глобализирующемся мире повысили интерес к традиционной этнической культуре. Поиски духовно-нравственной опоры служили стимулом к дальнейшему освоению эпического наследия. Одним из основных направлений культурной политики в регионе стала популяризация национальных вариантов Нартиады. Различные аспекты нартоведческой проблематики, в том числе вопросы о генезисе и национальной принадлежности ядра эпоса, рассматривались на полях тематических конференций (Майкоп, 1992; Сухуми, 1992; Наль-

чик, 2000; Владикавказ, 2011; 2013; 2015 и др.). Дискуссионные проблемы выносились на страницы периодических изданий, публиковались в сборниках статей [18; 20].

В настоящее время в осетинском нартоведении преобладает иранская версия происхождения эпоса, согласно которой героические сказания были привнесены на Кавказ предками осетин – скифами, сарматами и аланами. Здесь они были восприняты другими кавказскими народами и получили дальнейшее развитие. В то же время, продолжается изучение Нартиады, расширяющее и углубляющее представления о времени и месте ее возникновения, этимологии имен и названий эпических героев, местностей, природных явлений. Перспективными в прояснении этих и других вопросов представляются исследования в области эпической топонимии и этнонимии, изучение мифологических и ареальных параллелей в эпическом наследии народа, которые ведутся учеными-гуманитариями в рамках междисциплинарного подхода. В контексте анализа обозначенных проблем особого упоминания заслуживают работы Е. Б. Бесоловой, Ю. А. Дзиццойты, Г. Б. Романовой, Ф. М. Таказова, А. А. Туаллагова, Л. А. Чибирова и др. [6; 10; 22; 24; 25; 28].

Подводя общий итог, отметим, что решение вопроса о происхождении нартского эпоса, его этнической принадлежности, несмотря на довольно основательную историографическую традицию, по-прежнему, сохраняет актуальность. Остается только пожелать, чтобы дискуссии на эту тему не выходили за рамки научного спора, были свободны от политической конъюнктуры и издержек национального эгоизма. Надо помнить, что нартский эпос является общим культурным достоянием народов Кавказа, и стремиться к тому, чтобы он не нес в себе «ген разрушения», чтобы препятствовал замыканию кавказских народов в «национальных квартирах». Эпос сегодня должен способствовать сплочению людей в противостоянии деструктивным вызовам глобализации и культурного обезличивания.

Источники и литература

1. Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ. Т. 10. Вып. 1. Дзауджикау: Северо-Осетинское государственное издательство, 1945. 119 с.
2. Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 года. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. С. 22–36.
3. Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 9–21.
4. Абаева З. В. Легенды и сказания о происхождении скифов и нартвов // Известия ЮОНИИ. Вып. 27. 1982. С. 117–130.
5. Алборов Б. А. Термин «нарт» (к вопросу о происхождении нартского эпоса осетин) // Научное общество этнографии, языка и литературы. Владикавказ: [б.и.], 1930. С. 197–297.

6. Бесолова Е. Б. К семантике термина «нарт» // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 55. С. 119–124.
7. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали: Ирystон, 1977. 205 с.
8. Гарданов В. К. В. И. Абаев. Нартовский эпос // Советская этнография. 1947. №2. С. 242–248.
9. Гуриев Т. А. К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса. Ордзоникидзе: Ир, 1971. 165 с.
10. Дзиццойти Ю. А. Нартовский эпос и Амариани. Цхинвал: Ирystон, 2003. 223 с.
11. Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ: Осетинский НИИ краеведения, 1925. 539 с.
12. Калоев Б. А. Скифо-сармато-алано-осетинские параллели // История, археология и этнография Средней Азии. М.: [б.и.], 1968. С. 308–316.
13. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Издательство АН СССР, 1960. 520 с.
14. Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 15–29.
15. Кубалов А. З. К вопросу о происхождении нартских песен // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 1. Владикавказ, 1925. С. 379–382.
16. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Ордзоникидзе: Ир, 1980. 135 с.
17. Мамонова В. А. Нартский эпос как код этнической истории и культуры осетин. СПб.: ФГБОУ ВПО СПбГУТД, 2015. 209 с.
18. Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН. Вып. 1. 2012. 350 с.; Вып. 2. 2013. 331 с.; Вып. 3. 2015.
19. Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 года. Ордзоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. 232 с.
20. Нартский эпос и кавказское языкознание. Материалы VI Международного майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. Майкоп: Б.и., 1994. 384 с.
21. Рклицкий М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях. Владикавказ: Б.и., 1927. 34 с.
22. Романова Г. Б. Нартский эпос и история осетинского народа: Историографический аспект. Владикавказ: Проект-Пресс, 2014. 160 с.
23. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. 547 с.
24. Таказов Ф. М. К вопросу о теории иранского происхождения термина «нарт» // Вопросы литературы и фольклора. 2010. № 4. С. 108–116.
25. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и Нартовский эпос осетин». Владикавказ: Ир, 2001. 271 с.
26. Туганов М. С. Кто такие нарты? // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 1. Владикавказ: [б.и.], 1925. С. 372–378.
27. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336.
28. Чибиров Л. А. Осетинская Нартиада: мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ: Ир, 2016. 463 с.

References

1. Abaev V. I. *Nartovskii epos (Nart epos)* // Izvestiya NOISR. Vol. 10. No. 1. Dzauzhikau: Severo-Osetinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1945. 119 p. (In Russian).
2. Abaev V. I. *Problemy nartskogo eposa (The problems of Nart epos)* // Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19–20 oktyabrya 1956 goda (Nart epos. Materials of the conference, October 19–20, 1956). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1957. P. 22–36 (In Russian).
3. Abaev V. I. *Etnogenez osetin po dannym yazyka (Ethnogenesis of Ossetians according to language)* // Proiskhozhdenie osetinskogo naroda (*The origin of the Ossetian people*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1967. P. 9–21 (In Russian).
4. Abaeva Z. V. *Legendy i skazaniya o proiskhozhdenii skifov i nartov (Legends and Tales about the origin of the Scythians and Narts)* // Izvestiya SOISR. No. 27. 1982. P. 117–130 (In Russian).
5. Alborov B. A. *Termin «nart» (k voprosu o proiskhozhdenii nartovskogo eposa osetin) (The term «nart» (on the origin of the Nartian epos of Ossetians))* // Nauchnoe obshchestvo etnografii, yazyka i literatury (*Scientific Society of Ethnography, Language and Literature*). Vladikavkaz, 1930. P. 197–297 (In Russian).
6. Besolova E. B. *K semantike termina «nart» (On the semantics of the term «nart»)* // Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra RAS. 2014. No. 55. P. 119–124 (In Russian).
7. Gagloiti Yu. S. *Nekotorye voprosy istoriografii nartskogo eposa (Some Issues of the historiography of the Nart epos)*. Ckhinvali: Iryston, 1977. 205 p. (In Russian).
8. Gardanov V. K. V. I. *Abaev. Nartovskii epos (V. I. Abaev. Nart epos)* // Sovetskaya jetnografiya. 1947. No. 2. P. 242–248. (In Russian).
9. Guriev T. A. *K probleme genезisa osetinskogo nartskogo eposa (On the genesis of the Ossetian Nart epic)*. Ordzhonikidze: Ir, 1971. 165 p. (In Russian).
10. Dziicoiti Yu. A. *Nartovskii epos i Amirani (Nart epos and Amirani)*. Ckhinval: Iryston, 2003. 223 p. (In Russian).
11. *Izvestiya Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kraevedeniya (Izvestiya of the Ossetian Research Institute of Local History)*. No. 1. 1925. 539 p. (In Russian).
12. Kaloev B. A. *Skifo-sarmato-alano-osetinskije paralleli (Scytho-Sarmato-Alano-Ossetian Parallels)*. Istoriya, arheologiya i etnografiya Srednei Azii (*History, archeology and ethnography of Central Asia*). Moscow, 1968. P. 308–316 (In Russian).
13. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza (Ancient history of the North Caucasus)*. Moscow: Izdatel'stvo AS USSR, 1960. 520 p. (In Russian).
14. Krupnov E. I. *O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo eposa u narodov Kavkaza (On the time of formation of the main nucleus of the Nart epos of the peoples of the Caucasus)* // Skazaniya o nartah – epos narodov Kavkaza (*Legends of the Narts – the epos of the peoples of the Caucasus*). Moscow: Nauka, 1969. P. 15–29. (In Russian).

15. Kubalov A. Z. K voprosu o proiskhozhdenii nartovskikh pesen (*On the origin of the songs of Nart*) // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. No. 1. Vladikavkaz, 1925. P. 379–382 (In Russian).
16. Kuznetsov V. A. Nartskii epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda (*Nart epos and some issues of the history of the Ossetian people*). Ordzhonikidze: Ir, 1980. 135 p. (In Russian).
17. Mamonova V. A. Nartskii epos kak kod etnicheskoi istorii i kul'tury osetin (*Nart epos as a code of ethnic history and culture of Ossetians*). St. Petersburg: FSBEI HPE SPSUTD, 2015. 209 p. (In Russian).
18. Nartovedeniye v XXI veke: sovremennyye paradigmy i interpretacii (*Nartology in the XXI Century: Modern Paradigms and Interpretations*). Vladikavkaz: PPC NOIGSR VSC RAS. No. 1. 2012. 350 s.; No. 2. 2013. 331 p.; No. 3. 2015. 265 p. (In Russian).
19. Nartskii epos. Materialy soveshchaniya 19–20 oktyabrya 1956 goda (*Nart epos. Materials of the conference, October 19–20, 1956*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 232 p. (In Russian).
20. Nartski epos i kavkazskoe yazykoznanie. Materialy VI Mezhdunarodnogo maykopskogo kollokviuma Evropeyskogo obshhestva kavkazologov (*Nart epos and Caucasian linguistics. Proceedings of the VI International Maikop Colloquium of the European Society of Caucasologists*). Maikop: W.p.h., 1994. 384 p. (In Russian).
21. Rklitskii M. V. K voprosu o nartakh i nartskikh skazaniyakh (*On the issue of Narts and Nart Tales*). Vladikavkaz: W.p.h..., 1927. 34 p. (In Russian).
22. Romanova G. B. Nartskii epos i istoriya osetinskogo naroda: istoricheskii aspekt (*Nart epos and the History of the Ossetian people: Historical aspect*). Vladikavkaz: Proect-Press, 2014. 160 p. (In Russian).
23. Skazaniya o nartakh – epos narodov Kavkaza (*Legends of the Narts – the epos of the Caucasian peoples*). Moscow: Nauka, 1969. 547 p. (In Russian).
24. Takazov F. M. K voprosu o teorii iranskogo proiskhozhdeniya termina «nart» (*On the Issue of the theory of the Iranian origin of the term «nart»*) // Voprosy literatury i fol'klora. 2010. No. P. 108–116. (In Russian).
25. Tuallagov A. A. Skifo-sarmatskii mir i Nartovskii epos osetin (*The Scythian-Sarmatian world and the nart epos of Ossetians*). Vladikavkaz: Ir, 2011. 271 p. (In Russian).
26. Tuganov M. S. Kto takie narty? (*Who are the Narts?*) // Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. No. 1. Vladikavkaz, 1925. P. 372–378 (In Russian).
27. Central'ny gosudarstvennyy arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (*Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania* (CSA RNO-A). F. 126. Inv. 2. D. 336 (In Russian).
28. Chibirov L. A. Osetinskaya Nartiada: mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi (*Ossetian Nartiada: Mythological Origins and Areal Connections*). Vladikavkaz: Ir, 2016. 463 p. (In Russian).